КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

DOI: 10.12737/jflcl.2020.018

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ И МЕТОДА ВЗВЕШИВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДОПУСТИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

ИСАЕВА Анастасия Александровна, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук
Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 8
E-mail: tess@mail2000.ru

В статье представлен анализ проблемы ограничения свободы совести и принципов, используемых национальными органами конституционного правосудия и Европейским судом по правам человека для определения их допустимости. Целью работы является определение рисков применения немецкого принципа пропорциональности и американского метода взвешивания интересов, а также определение возможности их использования в России.

При проведении исследования наряду с общими методами научного познания применялись специальные правовые методы: анализ терминологии, моделирование, сравнительно-правовое изучение положений законодательства и правоприменительной практики, международных правовых актов, обобщение имеющихся в науке идей.

Рассматривается модель внутренней структуры свободы совести, возможности ограничений внутренней и внешней составляющих ее правомочий. Обосновывается, что принцип пропорциональности является недостаточно гибким инструментом в защите свободы совести. Он лишь позволяет определить, было ли ограничение в реализации свободы совести допустимым или нет. В то же время метод взвешивания интересов, используемый Верховным судом США, представляется более гибким при защите свободы совести. Суд, достигая баланса между конфликтующими интересами, не исключает возможности существования одного из них и описывает условия, при которых оба интереса могут быть реализованы в той или иной мере. Однако беря на себя эти интерпретационные полномочия, судебные органы расширяют сферу своей компетенции за счет нормотворчества.

Вывод: Конституционный Суд России в своих решениях по вопросам о свободе совести последовательно не использует ни один из рассматриваемых принципов, однако нередко обращается к отдельным элементам принципа пропорциональности. Представляется, что целесообразно применять тот или иной принцип последовательно, отражая все элементы в правоприменительных актах, что позволит повысить эффективность защиты свободы совести, обоснованность и последовательность в изложении содержания решений Конституционного Суда.

Ключевые слова: свобода совести, принцип пропорциональности, метод взвешивания интересов, ограничение прав человека, Европейский суд по правам человека, Верховный суд США.

Для цитирования: Исаева А. А. Использование принципа пропорциональности и метода взвешивания интересов при определении допустимости ограничений свободы совести // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 34—50. DOI: 10.12737/jflcl.2020.018

USING THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY AND THE AMERICAN BALANCING IN DETERMINING THE AVAILABILITY OF RESTRICTIONS OF FREEDOM OF CONSCIENCE

A. A. ISAEVA, Law Institute, Tomsk State University, Tomsk 634050, Russian Federation
E-mail: tess@mail2000.ru

The article presents an analysis of the problem of restriction of freedom of conscience and the principles used by the national constitutional justice bodies and the European Court of Human Rights to determine their admissibility. The aim of the work is to identify the risks of applying the German principle of proportionality and the American balancing, as well as determining the possibility of using them in Russia.

Along with the general methods of scientific knowledge, special legal methods are used, i.e.: analysis of terminology, modeling, comparative legal study of the provisions of legislation and law enforcement practice, international legal acts, generalization of ideas in science.

A model of the internal structure of freedom of conscience, the possibility of state restrictions on the internal and external components of its powers is considered. It is proved that the principle of proportionality is not a sufficiently flexible tool in protecting freedom of conscience. It is only allowed to determine whether the restriction on the exercise of freedom of conscience is permissible or not. At the same time, the method of balancing interests used by the US Supreme Court seems to be more flexible in protecting freedom of conscience. The court, while reaching a balance between conflicting interests, does not exclude the possibility of the existence of one of them, but describes the conditions under which both of them can be realized to one degree or another. However, assuming these interpretative powers, the judiciary is expanding its sphere of competence through norm-setting.

It is concluded that the Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions on issues of freedom of conscience does not consistently use any of the principles considered, but it often refers to individual elements of the principle of proportionality. However, it seems that it is advisable to apply the particular principle sequentially, reflecting all the elements in its enforcement acts. This may increase the effectiveness of the freedom of conscience protection, the validity and consistency in setting forth the content of the court decision itself.

Keywords: freedom of conscience, principle of proportionality, American Balancing, restricting human rights, European Court of Human Rights, US Supreme Court.

For citation: Isaeva A. A. Using the Principle of Proportionality and the American Balancing in Determining the Availability of Restrictions of Freedom of Conscience. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 3, pp. 34—50. DOI: 10.12737/jfcl.2020.018 (In Russ.)

1. Свобода совести: модель внутренней структуры и роль ограничений

Свобода совести является фундаментальным элементом в иерархии первого поколения прав человека. В то же время это одно из самых оспариваемых прав, что имеет место не только в странах, где установлена государственная религия, но и там, где демократические институты получили существенное развитие, как, например, в Великобритании или Соединенных Штатах Америки.

Свобода совести имеет высокое конституционно-правовое значение как важнейшая личная свобода человека, обеспечивающая всю широту его морально-этических воззрений. Свобода совести дискретна и имеет свою внутреннюю структуру. Ее имманентные пределы объединяют ряд правомочий личности в сфере выбора системы убеждений для оценки своих деяний, мыслей, явлений действительности и т. п., детерминирующих поступки и деятельность личности.

Объем свободы совести неоднороден и имеет сложную топологию, делимую на части. Как справедливо отмечают А. В. Пчелинцев¹ и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский суд), право иметь религиозные или нерелигиозные убеждения и исповедовать их включает возможность иметь свои мнение, убеждения, веру (внутренняя составляющая, *forum internum*), а также право на отправление культа (внешняя составляющая, *forum externum*). При этом практически во всех международных документах, закрепляющих права и свободы

человека и критерии допустимости их ограничения, подчеркивается абсолютный характер именно «внутреннего» аспекта свободы совести.

В то же время применительно к «внешнему» аспекту свободы совести такой вывод неприменим. В соответствии с п. 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 2 ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция, Конвенция) и п. 3 ст. 12 Американской конвенции о правах человека 1969 г. положения об ограничении свободы религии применяются в отношении свободы исповедания религии и демонстрации религиозных убеждений вовне. Более того, она подлежит ограничениям, которые необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

В свою очередь, ученые также вполне справедливо полагают, что не все действия представителей религий должны разрешаться, определенные могут быть ограничены. Как отмечают некоторые авторы, «даже такая фундаментальная свобода, как свобода религии, веры и исповедания, должна, конечно же, осуществляться и защищаться, но с учетом (курсив мой. — А. И.) общественных интересов для защиты всех основных прав человека»². Здесь, однако, очевиден более взвешенный подход, который не ограничивается понятием необходимости, как в нормах международного права.

На практике законодательные органы и суды часто вынуждены соблюдать баланс между «равновес-

¹ См.: Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 15.

² McDoughal M. S., Lasswell H. D., Chen L. The Right to Religious Freedom and World Public Order: The Emerging Norm of Non-Discrimination // *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. No. 5. P. 865—898.

ными» правами, такими как борьба с дискриминацией, и свободой исповедовать религиозные убеждения. Австралийские ученые Э. Кэмпбелл и Г. Уитмор заявили, что с практической точки зрения для правового порядка невозможно гарантировать абсолютную и безусловную свободу вероисповедания. У органов власти есть совершенно законное требование ограничить исповедание религии, чтобы гарантировать, что исповедание одной религии не будет чрезмерно мешать осуществлению других религий, и обеспечить, чтобы религиозная практика не препятствовала ненадлежащему осуществлению других гражданских свобод³.

Таким образом, свобода совести объединяет, с одной стороны, правомочия, подверженные ограничениям того или иного генезиса, а с другой — сферу свободы лица, т. е. те возможности для проявления личности, которые остаются за исключением ее правовых ограничений.

Ограничения свободы совести есть по сути форма ее внутренней структуры, имеющая телеологическую природу и субъективный характер. Телеологическая природа обусловлена тем, что они используются как правовой инструмент для осуществления определенных социально и юридически значимых целей, обеспечения духовной безопасности. Субъективный характер ограничений свободы совести проявляется в том, что они выражаются через деятельность — правотворческую и правоприменительную, которая всегда детерминирована волей составителя нормативного правового акта, и прежде всего Основного закона страны, историческими условиями его разработки и принятия, основами конституционного строя, религиозной стратификацией общества и т. д.

Ограничения свободы совести можно рассматривать и как деятельность, и как правовой институт. В прагматическом аспекте ограничения свободы совести представляют собой закрепление эксплицированных пределов рассматриваемой свободы. В то же время, хотя последние и стремятся к тождественному объему с пределами, таковыми они никогда не будут в силу своей субъективной природы, что противоположно объективному характеру пределов свободы совести.

Если рассматривать ограничения свободы совести в качестве правового института, то их источник может быть разным — государство и внутренние установления религиозных объединений (*lex canonica*)⁴

или система атеистических убеждений. Последнее зависит от мировоззренческого выбора человека — верит он в свободно выбранный морально-этический идеал или нет.

Однако ограничения свободы совести могут быть допустимыми (вмешательства) и нет (нарушения, умаления, ущемления и т. д.). Проверка ограничений прав и свобод на их допустимость — одна из задач органов конституционного правосудия, в нашей стране — Конституционного Суда РФ. При этом могут использоваться различные методики определения допустимости ограничений прав и свобод, например немецкий принцип пропорциональности или американский метод взвешивания интересов.

Исходя из анализа решений Конституционного Суда РФ, очевидно, что в его практике применяются элементы принципа пропорциональности⁵. Суд знаком с теорией пропорциональности и практикой ее применения иными судебными органами. В его решениях этот подход никогда явным образом не был отвергнут, а альтернативы ему не было предложено⁶. Напротив, само требование соразмерности является ключевым при рассмотрении споров, связанных с ограничениями свободы совести. Например, в постановлении КС РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П по делу о проверке конституционности абз. 3 и 4 п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» Конституционный Суд отмечает, что вводимые законодателем возможные ограничения, затрагивающие конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям.

В этой ситуации возникает и пока остается без ответа вопрос, почему критерии, используемые в рамках принципа пропорциональности, восприняты российским органом конституционного нормоконтроля столь отрывочно и применяются им не вполне последовательно? На необходимость соблюдения методики осуществления проверки на пропорциональность обращал внимание судья Конституционного Суда РФ

рующих и т. д. См.: Понкин И. В. К вопросу о содержании понятия уважения государством внутренних установлений религиозных организаций // Религия и право. 2015. № 2. С. 10—15; Шахов М. О., Пчелинцев А. В., Загребина И. В. Внутренние установления религиозных организаций. М., 2017.

⁵ См.: Михайлов А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7). С. 56—69.

⁶ См.: Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105). С. 45—69.

³ См.: Freedom in Australia / ed. by E. Campbell, H. Whitmore. Sydney, 1966.

⁴ Под внутренними установлениями религиозных объединений предлагается понимать систему источников, регулирующих деятельность религиозных объединений и их участников, включая Священные Тексты, нормы религиозного права, правила совершения богослужений, религиозных обрядов и ритуалов, правила поведения священнослужителей и ве-

Г. А. Гаджиев⁷. Поэтому принцип пропорциональности в практике российского органа конституционного нормоконтроля, как точно отмечает А. Троицкая, «остаётся практически не раскрытым, несмотря на то, что во многих решениях он был задействован»⁸. Однако прежде чем комплексно внедрять в практику Конституционного Суда РФ тот или иной механизм, необходимо выявить его эффективность в защите прав и свобод, выделить риски применения.

2. Применение принципа пропорциональности для определения допустимости ограничений свободы совести

2.1. К вопросу о сущности принципа пропорциональности

За последние 50 лет широкое распространение получил принцип пропорциональности. Сегодня это всеобъемлющий подход конституционного судопроизводства, предпочтительная процедура разрешения споров, связанных с предполагаемым конфликтом между двумя претензиями в отношении одного права или между предоставлением прав и законным государственным или общественным интересом.

Принцип пропорциональности возник в Германии и распространился по всей Европе, в том числе в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Он стал востребованным и в Британском Содружестве, а в настоящее время вторгается в Центральную и Южную Америку. К концу 1990-х гг. практически все эффективные системы конституционного правосудия в мире, за исключением США, восприняли основные элементы принципа пропорциональности. Хотя ученые отмечают сближение немецкой концепции пропорциональности и американской концепции взвешивания интересов⁹. Более того, принцип пропорциональности стал востребованным и на наднациональном уровне в рамках Европейского Союза, Совета Европы и Всемирной торговой организации.

Отмечается, что принцип пропорциональности имеет двухэтапную структуру. На первом этапе необходимо установить, что действиями правительства оказалось ограничено какое-либо право, в частности свобода совести и свобода вероисповедания. Второй этап включает три элемента: во-первых, средство,

предназначенное для достижения цели правительства, должно подходить для достижения этой цели (уместность); во-вторых, из всех подходящих должно быть выбрано то средство, которое в наименьшей степени ограничивает право частного лица (необходимость); в-третьих, ущерб частному лицу от ограничения его права должен быть пропорционален выгоде правительства в отношении достижения поставленной цели (пропорциональность в узком смысле)¹⁰. Отдельные авторы, кроме того, достаточно часто в качестве самостоятельного элемента или предпосылки анализа пропорциональности рассматривают категорию «легитимной цели», которая активно применяется в практике Европейского суда по правам человека¹¹.

Современное содержание принципа пропорциональности во многом сформировалось под влиянием практики Европейского суда, который последовательно использует его в качестве средства обоснования решений, в том числе и по делам, связанным с защитой свободы совести. Это находит отражение в структуре выносимых им актов, которое соответствует этапам применения принципа пропорциональности.

2.2. Сфера действия свободы совести в решениях ЕСПЧ

В начале своего анализа Европейский суд определяет сферу действия права, т. е. подпадает ли предположительно нарушенная возможность под сферу защиты свободы совести.

В первом деле, которое в значительной степени касалось свободы религии или убеждений — «Коккинакис против Греции», ЕСПЧ отметил: «Как закреплено в статье 9, свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем»¹².

⁷ См. особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева к постановлению Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений ч. 9 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁸ Троицкая А. Указ. соч. С. 45—69.

⁹ См.: Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 74.

¹⁰ См.: Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford; New York, 2002; Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. 2006. Vol. 65. No. 1. P. 174—207.

¹¹ См.: Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 11—31; Klatt M., Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford, 2012. P. 8—10.

¹² Kokkinakis v. Greece: Application no. 14307/88: Judgment of 25 May 1993 / The European Court of Human Rights. URL:

С этого момента Европейский суд установил сферу действия свободы мысли, совести и религии или убеждений, включая нерелигиозные убеждения, отсутствие убеждений и безразличное отношение к этим убеждениям. С точки зрения Европейского суда, человек может придерживаться любой системы взглядов.

В деле «Бускарини против Сан-Марино» заявители были избраны в парламент Сан-Марино в 1993 г. Однако они не могли приступить к работе, пока не принесут клятву на «Святых Евангелиях». Заявители утверждали, что это нарушило их права в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции. Суд поддержал их довод, утверждая, что ст. 9 Европейской конвенции влечет за собой свободу придерживаться или не придерживаться религии или убеждений, исповедовать или не исповедовать их.

Хотя Суд избегает определения содержания термина «религия», он тем не менее заключил, что свобода религии или убеждений распространяется на такие признанные религии, как христианство¹³, буддизм¹⁴, индуизм¹⁵, ислам¹⁶, иудаизм¹⁷ и сикхизм¹⁸, а также на относительно новые религиозные организации, такие как Свидетели Иеговы и Саентологическая церковь. Следует отметить, что защита Церкви Саентологии идет дальше традиционного представления о том, что свобода религии защищает только те убеждения, которые сосредоточены на существовании сверхъестественного существа. Церковь Саентологии не имеет в своей системе вероучения такого

существа, но считается защищенной в соответствии с правом на свободу религии. Кроме того, Европейский суд постановил, что ст. 9 предусматривает защиту пацифизма¹⁹, веганства²⁰ и проч.

Хотя Европейский суд относительно либерален в определении пределов свободы совести, тем не менее он заявил, что не все взгляды или мнения являются убеждениями, на которые распространяется действие п. 1 ст. 9 Конвенции²¹. В деле «Претти против Соединенного Королевства» заявительница страдала от неизлечимой и быстро прогрессирующей болезни, которая приводит к истощению мышц. Покончить жизнь самоубийством она не могла сама, поэтому подала заявление в ведомство государственного обвинения с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию, если тот поможет ей совершить самоубийство. Эта просьба была отклонена, как и последующие обращения в Палату Лордов. Поэтому она подала жалобу в ЕСПЧ, утверждая, что отказ властей дать обязательство не подвергать ее супруга судебному преследованию за оказание ей помощи в самоубийстве ущемляет ее права, предусмотренные ст. 2, 3, 8, 9 и 14 Европейской конвенции. Суд постановил, что ст. 9 Европейской конвенции не распространяется на право на самоубийство с помощью другого человека. Жалоба заявительницы не относится к какой-либо форме исповедания религии или убеждений в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов, как сказано в п. 1 этой статьи Конвенции.

Таким образом, для защиты в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции, как отметил ЕСПЧ в деле «Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства», убеждение должно достигать «определенного уровня убедительности, серьезности, единства и важности»²². Как только это условие будет достигнуто, государство может пойти дальше и определить, являются ли убеждения законными для их защиты в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции.

<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827> (дата обращения: 20.10.2019).

¹³ См.: *Stedman v. the United Kingdom*: Application no. 29107/95: Judgment of 9 April 1997 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-3620> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁴ См.: *X. v. the United Kingdom*: Application no. 5442/72: Judgment of 20 December 1974 / The European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74994> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁵ См.: *ISKCON and others v. the United Kingdom*: Application no. 20490/92: Judgment of 8 March 1994 / The European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-2550> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁶ См.: *X. v. the United Kingdom*: Application no. 8160/78: Judgment of 12 March 1981 / The European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74929> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁷ См.: *D. v. France* No: Application no. 10180/82: Judgment of 6 December 1983 / The European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74175> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁸ См.: *X. v. the United Kingdom*: Application no. 8231/78: Judgment of 6 March 1982 / The European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-74334> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁹ См.: *Arrowsmith v. United Kingdom*: Application no. 7050/75: Judgment of 16 May 1977 / European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001104188> (дата обращения: 20.10.2019).

²⁰ См.: *W. v. the United Kingdom*: Application no. 9749/82: Judgment of 8 July 1987 / European Commission of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57600> (дата обращения: 20.10.2019).

²¹ См.: *Pretty v. the United Kingdom*: Application no. 2346/02: Judgment of 29 April 2002 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-3620> (дата обращения: 20.10.2019).

²² *Campbell and Cosans v. the United Kingdom*: Applications nos. 7511/76; 7743/76: Judgment of 25 February 1982 / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57455> (дата обращения: 20.10.2019).

2.3. Обоснование ограничений свободы вероисповедания

Важным вопросом при применении принципа пропорциональности является определение того, являлась ли цель ограничения свободы совести законной. Профессор Мельбурнской правовой школы К. Эванс отмечает, что «государства не могут просто утверждать, что их действия были необходимы для преследования государственных целей, они должны показать, что они преследовали правомерную цель»²³. Эта правомерная цель должна соответствовать общественным интересам, так как в противном случае это будет уже злоупотреблением. Как бы парадоксально это ни звучало, но государство должно и ограничивать, и не ограничивать свободу совести, т. е. речь идет о некоем балансе.

Некоторые указания относительно того, что следует считать законными целями акта, который ограничивает свободу совести, могут быть получены из международных источников. Статья 18.3 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — Пакт) предусматривает, что ограничения на свободу исповедания религии или убеждений допускаются, если они предусмотрены законом и необходимы для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или нравственности или основных прав и свобод других лиц. Комитет ООН по правам человека заявил, что ст. 18.3 Пакта следует строго интерпретировать и что ограничения, основанные на других причинах, таких как национальная безопасность, не допускаются²⁴. Однако, например, в деле «Аделаидская компания Свидетелей Иеговы против Содружества», рассмотренном Высоким судом Австралии, судья Дж. Уильямс заявил, что сфера действия ст. 116 Конституции Австралии может быть ограничена в интересах национальной безопасности²⁵.

Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах 1985 г. (далее — Принципы) дают некоторые рекомендации относительно допустимых ограничений прав человека. Хотя сфера охвата прав и свобод других лиц, которые могут служить основанием для ограничения провоз-

глашенных в Пакте прав, выходит за рамки прав и свобод, признаваемых этим документом, в Принципах говорится, что в случае конфликта между правом, закрепленным в Пакте, и другим правом следует уделить особое внимание тому факту, что Пакт направлен на защиту наиболее важных, фундаментальных прав и свобод.

Законы, которыми ограничивается свобода совести, могут преследовать самые разные цели, в том числе, помимо прочего, защиту людей от дискриминации в общественной жизни, предотвращение большего вреда и ограничений прав человека и т. д. В качестве примера можно привести случаи выдачи судами разрешения на переливание крови несовершеннолетним, когда их родители или законные представители отказались от этой процедуры по религиозным мотивам²⁶. Но суды не настаивали на спасительном лечении, когда взрослый человек принял такое же решение отказаться от него.

2.4. Проверка ограничения на необходимость в демократическом обществе в практике ЕСПЧ

Чтобы определить, является ли вмешательство необходимым в демократическом обществе, Европейский суд часто апеллирует к «пределу усмотрения» государства, который в деле «Хендисайд против Соединенного Королевства» раскрывается следующим образом. «В связи с прямыми и постоянными контактами с жизненно важными структурами своей страны органы государственной власти находятся в более выгодной позиции, нежели международный судья, для дачи оценки конкретного содержания этих требований, а также “необходимости” “ограничения” или “санкций” для их выполнения... Тем не менее первичная оценка наличия острой социальной потребности, которая положена в основу значения термина “необходимость” в данном контексте, возложена на внутригосударственные органы власти»²⁷.

Однако, эта позиция не свидетельствует о неограниченности государственного усмотрения. Европейский суд сохраняет за собой надзорную роль в применении государством различных мер по сужению правомочий свободы совести и принимает окончательное решение по вопросу о соответствии какого-

²³ Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford, 2001. P. 147.

²⁴ United Nations Human Rights Committee, General Comment 22 on Article 18 of the ICCPR on the Right to Freedom of Thought, Conscience and Religion, CCPR/C/21/Rev.1 (30 July 1993). URL: <https://minorityrights.org/law-and-legal-cases/ccpr-general-comment-22-300793-on-iccpr-article-18/> (дата обращения: 20.10.2019).

²⁵ См.: Adelaide Co. of Jehovah's Witnesses Inc. v. Commonwealth (1943) 67 CLR 116, 149. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1943/12.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

²⁶ Например, дело «Х. против Сети детских больниц Сиднея» 2013 г. В этом случае Верховный суд Нового Южного Уэльса постановил, что семнадцатилетний подросток и его родители не могут отказаться от жизненно важного терапевтического лечения на основании своего вероисповедания. В России также есть прецеденты, когда врачи обращаются в суды с целью запретить родителям, являющимся последователями Свидетелей Иеговы, не допускать переливания крови своим детям.

²⁷ Handyside v. the United Kingdom: Application no. 5493/72: Judgment of 7 December 1976 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499> (дата обращения: 20.10.2019).

либо «ограничения» или «санкции» конвенционно гарантированной свободе. Сфера усмотрения государственных органов идет рука об руку с европейским контролем. Поэтому вмешательство со стороны государства необходимо, если есть насущная социальная необходимость для него. Суд должен продемонстрировать такую необходимость в демократическом обществе и обеспечить, чтобы любое такое вмешательство не затрагивало само существо гарантированных прав и свобод.

Хотя Европейский суд четко не определил, что такое демократическое общество, в своем прецедентном праве он неоднократно подчеркивал его идеалы и ценности. В деле «Хэндисайд против Соединенного Королевства» Суд признал, что свобода выражения мнения является основополагающей чертой демократического общества, которая может быть ограничена только в исключительных случаях. Он постановил, что надзорные функции обязывают Суд уделять предельное внимание принципам, характеризующим демократическое общество, свобода выражения мнений относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые получены законным путем или считаются неоскорбительными или незначительными, но и тех, которые оскорбляют или вызывают возмущение. Таковыми являются требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых демократическое общество невозможно. Это означает, что каждая «формальность», «условие», «ограничение» или «санкция», применимые к данной области, должны быть пропорциональны преследуемой ими законной цели²⁸.

Секуляризм и компромисс считаются необходимыми условиями для создания демократического общества²⁹. В деле «Даджен против Соединенного Королевства»³⁰ утверждается, что терпимость и широкий кругозор являются «отличительными чертами» демократического общества. В рамках рассмотрения дела «Класс и другие против Германии»³¹ Европейский суд предостерегал от использования тайного наблюдения, которое характерно для полицейского го-

сударства, и признавал его терпимым в соответствии с Конвенцией только тогда, когда оно строго необходимо для сохранения демократических институтов. Поэтому, чтобы ограничить свободу религии или убеждений, согласно Европейской конвенции, такое решение должно быть обусловлено насущной социальной потребностью, и эта мера оправдана в открытом, толерантном, плюралистическом, светском обществе. Причина такого ограничения также должна быть законной, т. е. она должна быть направлена на обеспечение общественной безопасности, защиту общественного порядка, здоровья или нравственности или на защиту прав и свобод других лиц.

Таким образом, принцип пропорциональности представляется недостаточно гибким инструментом в защите свободы совести. Он лишь позволяет определить, было ограничение в реализации свободы совести допустимым или нет. Иных целей этот метод не позволяет достичь, чего нельзя сказать об американском методе взвешивания интересов.

3. Применение метода взвешивания интересов для определения допустимости ограничений свободы совести

3.1. К вопросу о содержании американского метода взвешивания интересов

Метод взвешивания интересов появился в Америке и широко используется Верховным судом США в случаях, когда имеет место ограничение или обременение свободы совести. Суд исходит не из категорического подхода о предпочтении одного права другому или о наличии у части из них статуса абсолютных, а из гибкого относительного подхода. Согласно ему необходимо оценить относительный вес (значимость), придаваемый отдельным интересам (ценностям), и установить между ними надлежащее соотношение (баланс).

Вступившие в конфликт интересы должны быть взвешены друг с другом, причем таким образом, чтобы признание одного интереса не привело к отрицанию другого и чтобы реализация одного права не приводила к существенному ограничению другого³². Осуществляя взвешивание, правоприменитель придает относительный вес ценностям, вступающим в конфликт, определяет их социальную значимость, а затем находит между ними необходимый баланс. В итоге судья не может одобрить одну возможность и отвергнуть другую, а, напротив, сохранит каждый из принципов.

Для того чтобы определить искомый баланс, вступающим в конфликт конституционным ценностям необходимо придать соответствующий вес. В силу этого особое значение для применения метода взве-

²⁸ Handyside v. the United Kingdom: Application no. 5493/72: Judgment of 7 December 1976.

²⁹ См.: Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey: Applications nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98: Judgment of 13 February 2003 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936> (дата обращения: 20.10.2019).

³⁰ Dudgeon v. the United Kingdom: Application no. 7525/76: Judgment of 24 February 1983 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57472> (дата обращения: 20.10.2019).

³¹ Klass and others v. Germany: Application no. 5029/71: Judgment of 6 September 1978 / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57510> (дата обращения: 20.10.2019).

³² См.: Шустров Д. Конституционная революция и возникновение принципа пропорциональности в конституционном праве Израиля // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104). С. 92—116.

шивания интересов приобретает критерий, на основе которого будут осуществляться взвешивание и производиться оценка действий органа публичной власти, принявшего оспариваемый акт. То есть суд должен определить формулу взвешивания, на базе которой будет определяться значимость конфликтующих интересов, а также критерий, на основе которого будет устанавливаться баланс между ними. Это позволяет не только разрешить спорное дело, но и исключить субъективизм правоприменителя.

Так как существуют разнообразные конституционные права и публичные интересы, которые имеют свои особенности, то применение единой методики взвешивания невозможно. Критерии в каждом случае будут разными, учитывающими сталкивающиеся интересы и фактические обстоятельства дела. Например, такими критериями могут выступать израильские тест вероятности и тест разумности³³. Применительно к анализу свободы совести практика Верховного суда США также выработала свои критерии.

3.2. Опыт США в применении метода взвешивания интересов для разрешения дел по вопросам свободы совести

Первая поправка к Конституции США гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание...». Конституционные аргументы в отношении Первой поправки всегда были юридически сложными и чреваты политическими конфликтами. В то время как первая часть приведенной выше нормы более или менее ясна в своем содержании («установление религии»), вторая ее часть («ее свободное исповедание») была предметом многочисленных правовых и политических дебатов. Поэтому правовое регулирование религиозной свободы в США правильнее всего понимать как широкий спектр толкований.

Введение Первой поправки изначально преследовало цель удерживать федеральное правительство от вмешательства в религиозную жизнь людей и не относилось к штатам. Однако Четырнадцатая поправка расширила некоторые гарантированные конституцией права на штаты, включая более широкий спектр религиозных свобод.

Несмотря на то что не было большого числа правовых проверок положения о «свободном исповедании» (англ. Free Exercise Clause), существующие прецеденты рассматривали федеральный закон выше религиозной практики.

В деле «Рейнольдс против Соединенных Штатов»³⁴ мормонская церковь оспорила в Верховный суд США Закон Моррилла против двоеженства (англ. Morrill

Anti-Bigamy Act) в попытке продолжить свою практику многоженства. По мнению большинства судей, оспариваемый Закон является конституционным, поскольку он не только не вмешивается в религиозные убеждения членов церкви, но также применяется одинаково ко всем, какую бы религию они ни исповедовали. Разрешить многоженство «означало бы сделать исповедуемые доктрины религиозных убеждений более строгими, чем закон страны и, по сути, позволять каждому гражданину самому себе стать законом. При таких обстоятельствах Правительство могло существовать только на словах».

Почти столетие спустя позиция, изложенная в деле «Рейнольдс против Соединенных Штатов», была подтверждена в деле «Отдел трудоустройства Департамента рабочей силы штата Орегон против Смита»³⁵: Верховный суд США оставил в силе решение об отказе в пособии по безработице двум уволенным членам Церкви американских индейцев — работникам службы реабилитации больных наркоманией. Они лишились работы, так как принимали галлюциногенный мескалин (наркотическое вещество, получаемое из кактуса пейот) при отправлении религиозного обряда. В то время намеренное владение мескалином было преступлением в соответствии с законом штата Орегон без исключений для целей религиозного использования. Судья А. Скалия, с мнением которого согласилось большинство судей, разъяснил в решении по делу, что религиозная вера часто влечет выполнение определенных действий (бездействие), например потребление хлеба и вина, воздержание от определенных продуктов питания. Правительство не может их запретить, так как такой запрет был бы неконституционным. Но запрет на использование мескалина — не столько закон, нацеленный на ограничение каких-либо религиозно мотивированных действий (бездействия), скорее, это нейтральный закон, распространяющийся на всех, имеющий общее применение. Верховный суд США постановил, что защита «свободного исповедания», гарантированная Первой поправкой, не позволяет человеку использовать религиозную мотивацию в качестве причины неподчинения нейтральному закону общей применимости. Таким образом, Суд исходил из того, что религиозные верования не освобождают людей от исполнения законов. Законный запрет распространяется на всех в равной степени, и было бы несправедливо делать индивидуальные исключения из него. Суд счел, что религиозные исключения подрывали бы режим законности.

В этом решении был выработан так называемый Стандарт Смита (англ. Smith Standard), согласно ко-

³³ См.: Шустров Д. Указ. соч..

³⁴ Reynolds v. United States, 98 U. S. 145 (1878) Opinions. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/98/145/> (дата обращения: 20.10.2019).

³⁵ Employment Division, Department of Human Resources of Oregon v. Smith 494 U. S. 872 (1990). URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep494/usrep494872/usrep494872.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

тому если закон нейтрален и имеет общее применение (распространяется на всех безотносительно исповедуемой религии), то его не надо подвергать проверке на соответствие защищаемых правительственных интересов, даже если он имеет побочный эффект в виде отягощения конкретной религиозной практики. Но если он не нейтрален или распространяется не на всех, то он должен быть подвергнут строгому контролю.

Таким образом, вводимые законом ограничения свободы вероисповедания должны быть обоснованы убедительным правительственным интересом и носить узкий характер, направленный на достижение этого интереса. Рассмотрим, например, дело «Церковь Лукуми Бабалу Айе против муниципалитета Хайалиа»³⁶, в котором оспаривался акт муниципалитета Хайалиа (штат Флорида). Церковь Лукуми Бабалу Айе, которая исповедует религию Сантерии (религия Сантерии основана на формировании личных отношений с духами, называемыми оришами, которые помогают людям исполнить свою судьбу; жертвоприношение животных является основной формой преданности в этой религии и считается необходимым для выживания оришей), арендовала землю в Хайалиа и объявила, что построит молитвенный дом, школу, культурный центр и музей. После этого объявления городской совет провел экстренное открытое заседание и принял акт, в котором отмечалась обеспокоенность жителей тем, что некоторые религии могут предлагать заниматься практикой, несовместимой с общественной моралью, миром или безопасностью, и вновь подтверждалась приверженность жителей запрещению всех актов любых религиозных групп, которые несовместимы с общественной моралью, миром или безопасностью. Верховный суд постановил, что издание муниципалитетом Хайалиа акта о правилах обращения с животными является дискриминационным в отношении религии Сантерии и ее обычая жертвоприношения животных на том основании, что принят он был в связи с деятельностью последователей конкретной религии.

В то время как правовые позиции Верховного суда США в делах «Рейнольдс против Соединенных Штатов» и «Отдел трудоустройства Департамента рабочей силы штата Орегон против Смита» могут быть использованы для аргументации того, что положение о свободе исповедания имеет довольно узкое применение; в совпадающем мнении в деле «Отдел трудоустройства Департамента рабочей силы штата Орегон против Смита», вынесенном судьей С. Дей О'Коннор, был применен критерий «непреодолимых интересов правительства» (англ. *compelling government interest*). Она утверждала, что правительство может только то-

гда посягать на религиозную свободу, когда для этого существует его непреодолимый интерес. Этот тест, установленный судьей У. Бреннаном, уже использовался для защиты религиозной свободы. В деле «Шерберт против Вернера»³⁷ А. Шерберт подала в суд иск на своего работодателя, когда он увеличил часы ее работы, включив в них субботу — день, когда А. Шерберт, адвентист седьмого дня, согласно своей религии была обязана не работать. Суд постановил, что работодатель наложил на нее «существенное бремя» и что у правительства не было непреодолимой заинтересованности отказать в выплате пособий.

Сформулированный таким образом «тест Шерберта» требует, чтобы человек доказывал свои искренние религиозные убеждения и существенное бремя, которое возникает для него в связи с действиями правительства. Если такие факты будут установлены, то закон признается неконституционным, если только правительство не докажет «непреодолимый государственный интерес» и если этот интерес был реализован наименее навязчивым способом. «Тест Шерберта» применялся менее 30 лет, когда дело «Отдел трудоустройства Департамента рабочей силы штата Орегон против Смита» изменило прецедентный подход. С тех пор юридическое сообщество стало отвергать такие проверки.

В то же время Конгресс выразил обеспокоенность тем, что религиозные учения находятся под угрозой, и принял Закон о восстановлении свободы вероисповедания 1993 г. (англ. *Religious Freedom Restoration Act, RFRA*)³⁸ для легализации «теста Шерберта». Хотя Президент Б. Клинтон усилил законы посредством исполнительных распоряжений, в деле «Город Боерн против Флорис»³⁹ было установлено, что Конгресс может только укреплять федеральные религиозные свободы. Первым же случаем применения Закона о восстановлении свободы вероисповедания 1993 г. и «теста Шерберта» стало дело «Гонзалес против Духовного центра Бенефициара União do Vegetal»⁴⁰. Суд в этом деле постановил, что правительство не доказало наличия своего непреодолимого интереса во введении ограничений на использование чая хоаска (англ. *hoasca*) на церемонии коренных американцев Нью-Мексико.

³⁷ *Sherbert v. Verner et al., Members of South Carolina Employment Security Commission, et al.* URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep374/usrep374398/usrep374398.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

³⁸ *Religious Freedom Restoration Act.* URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-107/pdf/STATUTE-107-Pg1488.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

³⁹ *City of Boerne, Petitioner v. P. F. Flores, Archbishop of San Antonio, and United States.* URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/521/507/> (дата обращения: 20.10.2019).

⁴⁰ *Gonzales v. O Centro Espirita Beneficente Uniao do Vegetal.* URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/05pdf/04-1084.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

³⁶ *Church of the Lukumi Babalu Aye, Inc. and Ernesto Pichardo v. City of Hialeah.* URL: cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep508/usrep508520/usrep508520.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

3.3. Свобода вероисповедания в сегодняшней практике Верховного суда США

«Тест Шерберта» и положение о «свободном исповедании» являются важными для понимания аргументации в отношении двух недавно рассмотренных дел: о правах гомосексуалов на заключение однополых браков и о включении контрацепции в медицинскую страховку. Хотя эти два вопроса различны по содержанию и используют отдельные конституционные аргументы, но в каждом из них Верховный суд США основывался главным образом на роли религиозной свободы в американском обществе.

Прецедентная практика по вопросу об однополых браках в США. До рассмотрения дела Верховным судом США 16 штатов одобрили законы, позволяющие гражданам игнорировать общегосударственные акты, которые противоречат его или ее искренним религиозным убеждениям. Несмотря на широкое применение, эти законы представляют собой слегка завуалированную попытку исключить дискриминацию гомосексуалистов в области трудоустройства, обеспечения жильем и др. По сути, законы применяют версию «теста Шерберта» к штатам: группы лиц доказывают наличие искренних убеждений и затем демонстрируют бремя, налагаемое на них в случае, если они будут следовать закону. Таким образом, применение «теста Шерберта» на уровне штата можно рассматривать как способ изменения федерального закона. В противном случае можно обратиться в Верховный суд США с тем, чтобы признать тот или иной ограничивающий права акт неконституционным, основываясь на стандарте Смита.

В отношении возможности заключения однополых браков правовая база начала формироваться именно на уровне штатов, а позже дело было рассмотрено Верховным судом США. 26 июня 2015 г. было вынесено решение, признающее законодательство о браке дискриминационным, так как оно лишает однополые пары тех преимуществ, которые предоставляются разнополым парам, и делает невозможным реализацию своего фундаментального права. Законы штатов, запрещающих такие браки, были признаны не действующими в соответствующей части⁴¹. Суд постановил, что равенство брака является фундаментальным правом гражданина, гарантированным Четырнадцатой поправкой к Конституции Соединенных Штатов. Решение гласит, что все штаты обязаны выдавать брачные свидетельства всем однополым парам, а также признавать такие свидетельства, легально выданные в прочих юрисдикциях.

Однако в том же решении суд признает сакральный характер брака для тех, кто живет в соответствии со своей религией. Отмечается, что многие,

кто выступают против однополых браков, «обосновывают такую точку зрения достойными уважения религиозными и философскими доводами, хотя ни они сами, ни их убеждения здесь никоим образом не затрагиваются». Но далее уточняется, что «религиозные учения и те, кто поддерживает религиозные убеждения, вправе продолжать заявлять с абсолютной и искренней убежденностью о том, что в соответствии с религиозными канонами однополые браки заключаться не могут. Первая поправка устанавливает, что «религиозные организации и частные лица имеют всю соответствующую правовую защиту для того, чтобы проповедовать принципы, которые приносят им такое удовлетворение и имеют такое значение в их жизнях и верованиях, а также в их стремлениях продолжать поддерживать ту семейную структуру, к которой долгое время относились с почтением»⁴².

Оценка Верховным судом США требования о включении противозачаточных средств в медицинскую страховку. Не меньше чем предшествующее дело освещалась судебная тяжба католического епископа США с администрацией Б. Обамы. Кардинал Т. Долан из г. Нью-Йорка возглавлял 43 католических учреждения, от школ до больниц; утверждал, что не соответствует Конституции и нарушает принципы религиозной свободы требование, согласно которому католики вопреки их совести из своих налогов должны оплачивать средства стерилизации и контрацепции, что несовместимо с их вероисповеданием. В 2012 г. заявители обратились в суд, пытаясь защитить свои права. Большинство ученых-юристов утверждали, что положение о «свободном исповедании» здесь не применяется, особенно с учетом недавних изменений, освобождающих религиозные группы от непосредственного снабжения их сотрудников противозачаточными средствами. Единственный аргумент состоял в том, что не все предприятия подпадают под действие Закона о доступном медицинском обслуживании (англ. Affordable Care Act, ACA). Поэтому, по крайней мере теоретически, можно апеллировать к тому, что не все, а лишь отдельные предприятия попали под устанавливаемое ограничение, что влечет их дискриминационное положение.

Однако представляется, что в данном случае лучше заявителям было бы использовать Закон о восстановлении свободы вероисповедания 1993 г. и «тест Шерберта». Соответственно, заявителям необходимо было доказать искренность их веры. До сих пор это требовало, чтобы учреждение было некоммерческим и явно принадлежало к религиозной группе, такой как церковь. Католические больницы и подобные учреждения, основанные на той или иной вере, которые, однако, не являются местами активного богослужения, как правило, не соответствуют требова-

⁴¹ См.: U. S. Supreme Court opinion in *Obergefell v. Hodges* No. 14-556. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/14pdf/14-556_3204.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

⁴² U. S. Supreme Court opinion in *Obergefell v. Hodges* No. 14-556.

нию искренности верований. Далее заявители должны были бы доказать, что оплата контрацептивов является для них существенным бременем.

Суды низшей инстанции разделились в своих мнениях. Однако по предложению администрации Б. Обамы были введены некоторые исключения в действующий Закон о доступном здравоохранении 2010 г. (англ. The Affordable Care Act, aka Obamacare)⁴³ — ключевой пункт президентской программы, согласно которому религиозные учреждения не обязаны платить за противозачаточные средства. Вместо этого оплату производят страховые компании, так как считается, что в итоге они экономят деньги на предотвращении нежелательной беременности. В то же время когда работодатели не платят за противозачаточные средства, все остальные, кто покупает страховку компании, несут часть расходов. В любом случае конфликт на этом этапе был исчерпан. Но вскоре к этому вопросу вернулись вновь.

В 2014 г. две компании — Хобби Лобби и Конестога (англ. Hobby Lobby Stores, Inc. и Conestoga Wood Specialties Corp.), — занимающиеся торговлей мебелью и аксессуарами для дома, обратились в Верховный суд США. Они попросили суд исключить из реформы нормы о том, что страховка должна покрывать все медицинские услуги, в том числе по контролю рождаемости. Предприниматели, ведущие семейный бизнес, ссылались на свои религиозные убеждения, считая экстренную контрацепцию аналогом аборта. Они заявили, что обязательство финансировать гормональный препарат, прерывающий беременность, включенный в обязательный список, идет вразрез с их религиозными принципами, которых они придерживаются в работе. Например, они никогда не торгуют по воскресеньям.

Верховный суд США принял решение в пользу заявителя, так как счел, что установленное законом требование нарушает свободу религии⁴⁴. Он постановил, что федеральное правительство не может обязать частные коммерческие корпорации предоставлять своим сотрудникам противозачаточные средства. Это противоречит Первой поправке к Конституции США 1787 г. и Закону о восстановлении свободы вероисповедания 1993 г. Потому отныне компании, принадлежащие религиозным семьям, могут в принципе исключить контрацептивы из страховых пла-

нов своих сотрудников. Судья С. Алито отметил, что федеральное правительство и без участия корпораций может снабжать граждан противозачаточными средствами. Он высказал несогласие с тем, что компании, руководствующиеся христианскими принципами, могут отказаться полностью от государственной программы здравоохранения, так как Хобби Лобби не согласна только с обязанностью обеспечивать своих сотрудников противозачаточными средствами.

Однако некоторые судьи не поддержали это решение. Например, судья Дж. Рут Бейдер Гинзбург сочла, что логика истцов может дойти до абсурда и привести к новым искам. Ведь страховка покрывает и другие препараты и медицинские услуги, и тогда непонятно, затронет ли решение Верховного суда США работодателей, вероисповедание которых не допускает переливание крови для Свидетелей Иеговы, антидепрессанты, применение которых запрещено для саентологов, препараты, получаемые из свиней, включая анестетики, внутривенные инъекции и таблетки, покрытые желатином, что невозможно для мусульман, иудеев и индуистов, вакцинацию, которую не приемлют последователи Первой научной Церкви Христа.

История нашла продолжение в рамках деятельности Президента США Д. Трампа, который 4 мая 2017 г. принял исполнительный приказ «О содействии свободе слова и религиозной свободе»⁴⁵. В нем федеральным агентствам предписывается разрешить ряду религиозных организаций не оплачивать расходы своих сотрудников на контрацепцию, чего требовал введенный при президенте Б. Обаме Закон о доступном здравоохранении 2010 г.

Таким образом, государство может не только устанавливать границы и допустимые формы реализации свободы совести, но и идти дальше, вводить также ограничения на частную сферу ее претворения в жизнь. Здесь важно определить границы такого влияния и исключить дифференцированное и (или) дискриминационное регулирование и соответствующую правоприменительную практику. В противном случае, как справедливо отметила Дж. Рут Бейдер Гинзбург, суды будут наводнены соответствующими делами, а правовое регулирование станет неэффективным и будет внушать мало доверия населению.

В США противостояние религии, в частности христианства, и светских форм отношений между людьми — история давняя, охватывающая почти полвека судебных процессов. Светские институты отвоевывают у религиозных консерваторов права и свободы буквально по дюйму. В контексте последних реформ здравоохранения в США вопрос об обязательном страховом

⁴³ См.: Patient Protection and Affordable Care Act of 23 March 2010 H. R. 3590. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/granule/PLAW-111publ148/PLAW-111publ148/content-detail.html> (дата обращения: 20.10.2019).

⁴⁴ См.: Burwell, Secretary of Health and Human Services, et al. v. Hobby Lobby Stores, Inc., et al.: Judgment of 30 June 2014 No. 13-354 / Supreme Court of the United States. URL: http://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13-354_olp1.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

⁴⁵ Presidential Executive Order Promoting Free Speech and Religious Liberty. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/05/04/presidential-executive-order-promoting-free-speech-and-religious-liberty> (дата обращения: 20.10.2019).

покрытии противозачаточных препаратов и контроля рождаемости независимо от религиозных установок работодателя — одна из таких маленьких побед⁴⁶.

До вынесения решения по делу «Бервелл против Хобби Лобби» ситуация была двойственной, не понятно было по какому пути пойдет Верховный суд США. С одной стороны, велика была вероятность, что суд будет и дальше проводить в жизнь мнение судьи А. Скалия о том, что религиозные верования не освобождают людей от исполнения законов, законные запреты распространяются на всех в равной степени и было бы несправедливо делать индивидуальные исключения из общего правила исполнения закона. С другой стороны, эта позиция подвергалась критике и утверждалось, что закон должен приспосабливаться к потребностям религиозных организаций, а не наоборот. Но сейчас очевидно, что Верховный суд США поддерживает точку зрения, согласно которой религиозные деятели имеют право на исключение из общих правил, если они занимают свои должности продолжительное время, а их вера искренняя, за исключением случаев, когда регулирование узко нацелено на удовлетворение непреодолимых интересов государства. Такой подход, основанный на здравом смысле, отвергает стандарт Смита и утверждает, что от религиозных деятелей не следует требовать что-либо делать против их религии.

Стандарт Смита подвергается критике не только в научных кругах, но и судьями Верховного суда США. Так, недавно четыре судьи этого Суда признали, что стандарт Смита «резко сократил защиту, обеспечиваемую положением о свободе исповедания»⁴⁷. Эта позиция находит подтверждение и в решениях Верховного суда США. В 2018 г. Апелляционный суд штата Орегон обязал христиан, владельцев кондитерской в г. Грешам Аарона и Мелиссу Кляйн выплатить лесбийской паре 135 тыс. долл. компенсации за отказ приготовить им на заказ свадебный торт. Тем самым Суд подтвердил выводы Бюро труда и промышленности штата (англ. Bureau of Labor and Industries, BOLI) о том, что владельцы предприятия «Сладкие пирожные от Мелиссы» нарушили Закон штата Орегон о запрете дискриминация в местах общественного проживания 2017 г.⁴⁸ Затем владельцы кондитерской подали апелляцию в Верховный суд США, и в июне 2019 г.⁴⁹

⁴⁶ См.: Burwell, Secretary of Health and Human Services, et al. v. Hobby Lobby Stores, inc., et al.: Judgment of 30 June 2014 No. 13-354.

⁴⁷ Kennedy v. Bremerton Sch. Dist., No. 18-12 (S. Ct. Jan. 22, 2019). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/18-12_d18e.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

⁴⁸ 2017 ORS 659A.403 Discrimination in place of public accommodation prohibited. URL: <https://www.oregonlaws.org/ors/659A.403> (дата обращения: 20.10.2019).

⁴⁹ См.: Klein v. Oregon Bureau of Labor and Industries. URL: <https://www.supremecourt.gov/DocketP>

их требования были удовлетворены, дело передано на новое рассмотрение в Апелляционный суд штата Орегон с требованием пересмотра в свете решения «Пекарня Masterpiece Cakeshop против Комиссии Колорадо по гражданским правам» 2018 г.⁵⁰

Сейчас последние прецеденты расширяют сферу действия положения о свободе исповедания, в том числе распространяя ее на подтверждение неконституционности специальных законов. Свобода религии в США регулируется законами федерации, штатов и муниципальными актами. Решения Верховного суда США и различные законодательные компромиссы будут иметь долгосрочные последствия именно в том месте, где проходит грань между ними.

Исходя из последних решений Верховного суда США, можно отметить, что Америка не пошла по пути отказа от своих «христианских» идеалов и не расширяет сферу применения светского законодательства. В ряде случаев религиозные свободы ставятся выше светских законов, что подтверждает приверженность Америки принципам индивидуализма и агрессивной защите Билля о правах.

На практике метод взвешивания интересов, используемый Верховным судом США, оказался гибче принципа пропорциональности в защите свободы совести, так как не просто констатирует наличие или отсутствие вмешательства в реализацию этого права со стороны государства, но преследует более широкую цель. Суд, достигая баланса между конфликтующими интересами, не исключает возможность существования одного из них, а описывает те условия, при которых оба они могут быть реализованы в той или иной мере. Однако, беря на себя эти интерпретационные полномочия, Суд расширяет сферу своей компетенции за счет нормотворчества.

4. Российский опыт оценки допустимости ограничений свободы совести

Конституционный Суд РФ в ходе проверки ограничений на допустимость сталкивается с необходимостью использования того или иного метода. Есть возможность выбрать один из имеющихся или разработать свой. Конституционный Суд РФ предпринял попытку разработать систему принципов для оценки допустимости ограничений прав и свобод. Однако она была подвергнута обоснованной критике ввиду того, что носит преимущественно оценочный и субъективный характер⁵¹.

DF/18/18-547/87925/20190211170715343_18-547%20Reply%20Brief.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

⁵⁰ См.: Masterpiece Cakeshop v. Colorado Civil Rights Commission, 584 U. S. (2018). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-111_j4el.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

⁵¹ См.: Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40—47.

Среди принципов оценки допустимости вводимых ограничений свободы совести, выработанных Конституционным Судом РФ, можно выделить следующие.

Во-первых, *установление ограничений прав и свобод должно быть соразмерно защищаемым Конституцией РФ и законами ценностям правового государства*⁵². Например, Суд пояснил, что возможные ограничения, относящиеся к учреждению, созданию и регистрации религиозных организаций и затрагивающие иные конституционные права, должны быть справедливыми и соразмерными конституционно значимым целям. Однако потом уточнил это положение, указав, что публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции 1993 г., могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают самого существа конституционного права, т. е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм⁵³.

Здесь важно определить, что с чем подлежит соизмерению. При этом можно отметить, что Конституционный Суд РФ зачастую если и говорит о необходимости такого соизмерения и установления баланса ценностей, то редко идет дальше и непосредственно проводит такое соизмерение. Более того, некоторые авторы обращают внимание на то, что вообще невозможно соизмерить часто разные по своей природе права. Например, право на распространение религиозной литературы в рамках осуществления миссионерской деятельности с теми правами человека, которые кор-

респондируют с безопасностью государства, здоровья и нравственностью частных лиц, с общественным спокойствием⁵⁴. Любое решение Суда относительно допустимости ограничения прав человека, основанное на соразмерности конкретных прав (или входящих в него отдельных правомочий) и каких-либо конституционных ценностей будет иметь характер произвольного усмотрения, предопределенного зачастую не правовой, а политической конъюнктурой.

Поэтому, как верно замечают А. А. Кондрашев и В. В. Лапаева, главная проблема, связанная с принципом соразмерности, заключается в том, что соизмерять можно лишь качественно однородные явления. Невозможно выявить соразмерность и установить баланс между правом человека на объединение в политическую партию и такой конституционной ценностью, как безопасность государства, по поводу которой в России всегда было принято считать, что «мы за цену не постоим»⁵⁵.

Во-вторых, *при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры*⁵⁶. Здесь важно выделить критерии, по которым определяется в конкретных условиях, являются вводимые меры чрезмерными или нет. Например, Государственная Дума РФ последовательно сокращала с 2013 г.⁵⁷ круг лиц, которые вправе учреждать, быть участником или хотя бы членом религиозной организа-

⁵² См. определения Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 115-О-О по жалобе Местной религиозной организации Евангельских христиан-баптистов г. Мытищи «Библейская миссия» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», от 7 февраля 2002 г. № 7-О по жалобе религиозного объединения «Московское отделение Армии Спасения» на нарушение конституционных прав и свобод п. 4 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁵³ См. определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 579-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Степанова С. Н. на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 24¹, п. 2 ст. 24² Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ; постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

⁵⁴ См. определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2793-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в г. Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ.

⁵⁵ См.: Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 40—47; Лапаева В. В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии): Доклад на международной конференции «Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности», организованной Конституционным Судом Российской Федерации совместно с Венецианской комиссией Совета Европы (Санкт-Петербург, 27—28 сентября 2012 г.). URL: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftN2 (дата обращения: 20.10.2019).

⁵⁶ См. постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и п. 5 ст. 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁵⁷ См. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 180-ФЗ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»».

ции. Сейчас в Законе поименованы четыре категории лиц. Таким образом, государство ограничивает не только право на создание организованной религиозной структуры, но для некоторых категорий граждан и просто возможность прийти в культовое место. Однако на практике какой-либо контроль со стороны религиозных организаций за их членами и участниками не устанавливается, хотя таковой и может являться согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» основанием для их ликвидации. Например, согласно Апелляционному определению Верховного Суда РФ от 13 июля 2017 г. № 45-АПГ17-4 было удовлетворено требование Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области, а местная религиозная организация мусульман «Рахмат» г. Екатеринбурга была ликвидирована. Исходя из материалов дела, видно, что основанием для такого решения послужил тот факт, что наряду с другими неоднократными нарушениями организацией законодательства, выразившимися в непредставлении документов, необходимых для государственной регистрации изменений, вносимых в сведения об адресе организации, использовании сокращенного наименования, наличии в уставе положения, предусматривающего оказание материальной поддержки членам организации, также в составе членов организации было лицо — А. С. Музафаров, включенный в действующий перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, составленный Росфинмониторингом в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Конституционный Суд РФ не рассматривал конституционность ч. 3 и 4 ст. 9 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», однако можно предположить, как соответствующие нормы будут оценены судьями, назначенными по представлению Президента РФ. Исходя из правоприменительной практики, можно заключить, что Суд или сам в своих решениях очерчивает круг рассматриваемых вопросов, исключая из них те, которые касаются существа спора⁵⁸, или отказывает в принятии к рассмотрению жалобы по формальным признакам⁵⁹, при этом исключая себя из политическо-

го дискурса. Но проблема остается не решенной, и количество таких дел, переходя в качественное состояние, грозит дестабилизации общественно-государственной жизни.

В-третьих, *адекватность социально необходимому результату; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод*⁶⁰. При этом сам Конституционный Суд РФ в своей деятельности указанный принцип соблюдает не так последовательно, как бы этого хотелось. Сомнительными с точки зрения приоритета прав и свобод личности выглядят доводы, сформулированные Конституционным Судом в постановлении от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях», когда по существу было запрещено создавать политические партии по религиозному признаку под предлогом того, что это открыло бы путь к политизации религии и религиозных объединений, политическому фундаментализму и клерикализации партий, что в свою очередь повлекло бы отторжение религии как формы социальной идентичности и вытеснение ее из системы факторов, консолидирующих общество. Однако Россия многоконфессиональная страна, и одна религия не может консолидировать весь ее народ. В то же время отдельные религиозные структуры и сейчас непосредственно сотрудничают с государством⁶¹, но это не влечет политического фунда-

тии к рассмотрению жалобы Дулова С. К. на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части первой ст. 112 Трудового кодекса РФ и п. 7 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁶⁰ См. постановления Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П, от 18 февраля 2000 г. № 3-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

⁶¹ Распоряжением Президента РФ от 24 апреля 1995 г. № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. Это консультативный орган, осуществляющий предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для главы государства, касающихся его взаимодействия с религиозными объединениями и повышением духовной культуры общества. С Русской православной церковью (Московский Патриархат) органами публичной власти заключен ряд соглашений, например: Соглашение о сотрудничестве между Московской Патриархией Русской православной церкви (Московский Патриархат) и Счетной палатой РФ, подписанное 24 июля 2015 г.; Соглашение о сотрудничестве между Московской Патриархией Русской православной церкви (Московский Патриархат) и Российской академией наук, подписанное 15 января 2003 г.; Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения РФ и Русской пра-

⁵⁸ См., например, постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁵⁹ См., например, определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 1846-О-О об отказе в приня-

ментализма и клерикализации партий. При этом во многих странах религиозные партии существуют и никакой угрозы государственности не несут (Албания, Венгрия, Германия, Италия, Литва, Люксембург, Молдавия и др.). Более того, приоритетными должны выступать не цели существования государства или его институтов, а возможность граждан конституционными средствами отстаивать и защищать свои интересы во взаимоотношениях с органами публичной власти.

В-четвертых, нередко Конституционный Суд РФ обращается к *необходимости нахождения баланса между интересами человека, общества и государства*, что можно рассматривать в качестве еще одного элемента оценки, хотя и достаточно общего⁶².

В пункте 2 постановления Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и п. 5 ст. 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», в частности, говорится о необходимости обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов — с другой. Однако в тексте постановления даже не делается попытка нахождения этого баланса. В нем определена конституционно значимая цель, затем констатируется, что ограничения возможны со стороны государства, но характер соотношения выявленных ценностей остается невыясненным.

В-пятых, Конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых им прав, но *«он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания»*⁶³. Но при этом сам Конституционный Суд в решениях проявляет очевидную непоследовательность: фактически законодатель посредством правоприменительного усмотрения выхолащивает возможность пользования «существом»

права. Так, постановлением КС РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П были признаны конституционными положения, содержащиеся в абз. 3 и 4 п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Изначально Суд ограничил объем проверки и не стал рассматривать вопрос о конституционности указанных положений в части, касающейся их действия применительно к другим религиозным организациям, а лишь по существу требования о подтверждении существования в данной местности в течение 15 лет для вновь регистрируемых религиозных организаций (абз. 4 п. 3 указанного постановления).

В отношении прочих организаций было установлено, что применительно к ним, т. е. учрежденным до вступления Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в силу, а также местным религиозным организациям, входящим в структуру централизованных религиозных организаций, положения Закона означают, что такие организации пользуются правами юридического лица в полном объеме без подтверждения 15-летнего минимального срока существования на соответствующей территории, без ежегодной перерегистрации и без ограничений, предусмотренных абз. 4 п. 4 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Фактически же граждане, желающие создать самостоятельную, не входящую в централизованную, религиозную организацию до истечения 15-летнего срока, оказались лишены такой возможности. При этом Суд вообще не стал выяснять, почему законодатель был правомочен вводить столь существенное ограничение на коллективное отправление культа. Это чрезмерное ограничение свободы совести и возможности ее реализации в коллективной форме было устранено согласно решению ЕСПЧ⁶⁴ только в 2015 г. в связи с принятием Закона⁶⁵, которым предусматривалось оправданное и давно назревшее устранение требования о необходимости подтверждения 15-летнего срока существования религиозной группы на данной территории для ее последующей государственной регистрации.

5. Выводы

Немецкий принцип пропорциональности и американский метод взвешивания интересов имеют длительную историю развития и отражают националь-

вославной церковью (Московский Патриархат), подписанное 18 июня 2015 г.; Соглашение о сотрудничестве между Московской Патриархией Русской православной церкви (Московский Патриархат) и Федеральной архивной службой России (Росархив), подписанное 18 декабря 2003 г.

⁶² См. определения Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 579-О, от 23 мая 2006 г. № 145-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы войсковой части № 22220 на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2002 г. № 7-О; постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П.

⁶⁴ См.: Kimlya and Others v. Russia: Applications nos. 76836/01, 32782/03: Judgment of 1 October 2009 / European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-94565> (дата обращения: 20.10.2019).

⁶⁵ См. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” и признании утратившими силу положений отдельных законодательных актов Российской Федерации».

ные, политические и правовые особенности соответствующих стран. В России — стране романо-германской правовой семьи Конституционный Суд РФ уже начал, хотя и отрывочно, применять принцип пропорциональности при оценке допустимости вводимых государством ограничений прав и свобод личности. Этот подход отличается структурированностью, объективностью и надежностью. Однако его использование, как представляется, позволяет достичь формальных целей, но не должной защиты свободы со-

вести в условиях все расширяющейся сферы применения светского законодательства.

В то же время какой бы ни был выбран Конституционным Судом РФ механизм проверки на допустимость ограничений свободы совести, целесообразно применять его последовательно, отражая все элементы в своих правоприменительных актах. Это позволит повысить эффективность защиты свободы совести, обоснованность и последовательность в изложении содержания решений Суда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford; New York, 2002.
- Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford, 2001.
- Freedom in Australia / ed. by E. Campbell, H. Whitmore. Sydney, 1966.
- Klatt M., Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford, 2012.
- McDoughal M. S., Lasswell H. D., Chen L. The Right to Religious Freedom and World Public Order: The Emerging Norm of Non-Discrimination // Michigan Law Review. 1976. Vol. 74. No. 5.
- Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. 2006. Vol. 65. No. 1.
- Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4.
- Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.
- Козн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82).
- Лапаева В. В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии): Доклад на международной конференции «Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности», организованной Конституционным Судом Российской Федерации совместно с Венецианской комиссией Совета Европы (Санкт-Петербург, 27—28 сентября 2012 г.). URL: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftn2 (дата обращения: 20.10.2019).
- Михайлов А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7).
- Понкин И. В. К вопросу о содержании понятия уважения государством внутренних установлений религиозных организаций // Религия и право. 2015. № 2.
- Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
- Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105).
- Шахов М. О., Пчелинцев А. В., Загребина И. В. Внутренние установления религиозных организаций. М., 2017.
- Шустров Д. Конституционная революция и возникновение принципа пропорциональности в конституционном праве Израиля // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104).

REFERENCES

- Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford; New York, 2002. 465 p.
- Dolzhikov A. V. Pride and Prejudice: Proportionality of Blanket Constitutional Ban on the Right to Vote for Detained Persons in Russia. Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2013, no. 4, pp. 11—31. (In Russ.)
- Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford, 2001. 222 p.
- Freedom in Australia. Ed. by E. Campbell, H. Whitmore. Sydney, 1966. 298 p.
- Klatt M., Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford, 2012. 204 p.
- Koen-Eliya M., Porat I. American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2011, no. 3 (82), pp. 59—81. (In Russ.)
- Kondrashev A. A. Limitations of constitutional rights in the Russian Federation: theoretical approaches and political-law practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, no. 7, pp. 40—47. (In Russ.)
- Lapaeva V. V. Criteria for restricting the rights of citizens of the Russian Federation to political unification (in the light of European standards of legal democracy): Report at the international conference "Political Parties in a Democratic Society: Legal Foundations of Organization and Activities", organized by the Constitutional Court of the Russian Federation in conjunction with the Venice Commission

of the Council of Europe (St. Petersburg, September 27-28, 2012). Available at: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftN2 (accessed 20.10.2019). (In Russ.)

McDoughal M. S., Lasswell H. D., Chen L. The Right to Religious Freedom and World Public Order: The Emerging Norm of Non-Discrimination. *Michigan Law Review*, 1976, vol. 74, no. 5, pp. 865—898.

Mikhaylov A. A. The principle of proportionality: essence, practices of the European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation and importance for improvement of the system of proof in the modern criminal process in Russia. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2016, no. 1 (7), pp. 56—69. (In Russ.)

Pchelintsev A. V. Religious freedom and religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal research. Dr. diss. thesis. Moscow, 2012. 57 p. (In Russ.)

Ponkin I. V. To the question of the content of the concept of respect by the state of the internal institutions of religious organizations. *Religiya i pravo*, 2015, no. 2, pp. 10—15. (In Russ.)

Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review. *Cambridge Law Journal*, 2006, vol. 65, no. 1, pp. 174—207.

Shakhov M. O., Pchelintsev A. V., Zagrebina I. V. The internal establishment of religious organizations. Moscow, 2017. 248 p. (In Russ.)

Shustrov D. Constitutional revolution and the emergence of the principle of proportionality in Israeli constitutional law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2015, no. 1 (104), pp. 92—116. (In Russ.)

Troitskaya A. Limits of Rights and Absolute Rights: Are They beyond Proportionality? Theoretical Questions and the Russian Constitutional Court's Jurisprudence. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2015, no. 2 (105), pp. 45—69. (In Russ.)